

Д. Д. Тумаркин

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ РОДА

Дискуссия, начатая статьей М. В. Крюкова «О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации»¹, вскоре переросла свои первоначальные рамки и охватила ряд важных вопросов истории первобытного общества. Ни в коей мере не пытаясь подводить итоги этой еще не законченной дискуссии, отмечу лишь, что, на мой взгляд, развернувшийся обмен мнениями оказался полезным. Он уже позволил лучше понять различные точки зрения на существо дискутируемых проблем, способствовал более глубокому теоретическому осмыслению специфики патронимической организации. Кроме того, как мне представляется, у некоторых участников дискуссии наметилось сближение взглядов по отдельным вопросам.

Примечательна в этом отношении небольшая статья А. И. Першица «К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности», посвященная проблеме соотношения кровнородственных и производственных отношений². Автор статьи выводит формулу, согласно которой в матрилинейных обществах с матрилокальным поселением супругов и в патрилинейных обществах с патрилокальным поселением супругов процент сородичей в родовой общине равнялся в среднем 75, а процент чужеродцев (чужеродок), пришедших в общину по браку,—25 (стр. 107—108). А. И. Першиц отмечает, что в некоторых других случаях, например при амбилокальном брачном поселении, доли сородичей и «чужаков» в общине уравнивались, приближаясь к 50% (стр. 108).

Если предложенная А. И. Першицем формула, по-видимому, может быть принята с некоторыми оговорками, то приведенные им в подтверждение этой формулы данные по пяти обществам с патрилокальным брачным поселением (стр. 108) носят несколько случайный характер. Известно, например, что у нганасан и тундровых энцев еще во второй половине XIX в. далеко зашел процесс разложения патриархально-родового строя и реальными хозяйственными коллективами стали соседско-территориальные объединения, мужскую часть которых составляли представители разных родов, а иногда и разных этносов³. Между тем А. И. Першиц, вычислив по работе Б. О. Долгих процент замужних женщин у нганасан и тундровых энцев в 1926—1927 гг., всех остальных членов таких хозяйственных коллективов отнес к «кровным родственникам». Кроме того, едва ли правомерно во всех пяти примерах сводить процент «чужаков» к проценту замужних женщин, не учитывая вдов, часть которых продолжала жить в общине мужа.

¹ М. В. Крюков, О соотношении родовой и патронимической (клановой) организации (К постановке вопроса), «Сов. этнография», 1967, № 6.

² А. И. Першиц, К вопросу о «третьем типе» социальной организации первобытности, «Сов. этнография», 1970, № 2. Дальнейшие ссылки на эту статью даются в основном тексте.

³ «Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII—начало XX в.», М., 1970, стр. 204, 370.

Как бы ни оценивал свою формулу и сопутствующие ей расчеты сам А. И. Першиц, налицо существенное уточнение его взглядов на проблему соотношения кровнородственных и производственных отношений в первобытном обществе. Ведь, как напомнил А. И. Першиц (стр. 108), в 1955 г. он писал, что эти отношения «в основном совпадали»⁴, а в 1960 г. он даже отбросил оговорку «в основном» и выразил мнение, что «производственные отношения в первобытной общине совпадали с материнско-родовыми отношениями»⁵. Характерно, что в рассматриваемой нами статье (стр. 106) А. И. Першиц в отличие от некоторых предыдущих своих работ⁶ занял осторожную позицию в отношении гипотезы изначальности и универсальности дислокального брака как необходимой стадии в истории развития семейно-брачных отношений — той самой гипотезы, которая сторонникам «концепции совпадения» служит основным логическим аргументом.

Уточнение взглядов А. И. Першица на проблему соотношения кровнородственных и производственных отношений в первобытном обществе — уточнение, на мой взгляд, интересное и плодотворное — не сопровождается, однако, в рассматриваемой статье внесением коррективов в понимание некоторых других, неразрывно связанных с этой, проблем. К их числу относится прежде всего проблема соотношения рода с хозяйственным коллективом — родовой общиной.

В марксистской исторической науке принято выделять два основных типа общины — родовую и соседскую, — а также большесемейную общину, как важнейшую промежуточную ступень между ними⁷. Родовая община — ранняя форма первобытного хозяйственного коллектива. В основе ее организации лежат родственные связи, хотя она отнюдь не сводится к ним. Соседская община, возникшая на стадии разложения первобытнообщинного строя и перешедшая в классовое общество, покоится на территориальных связях, но родственные отношения могут играть в ней немалую роль.

Излагая концепцию Н. А. Бутинова о папуасской родовой общине, А. И. Першиц пишет, что, по данным этого исследователя, родовая экономика у папуасов резко преобладает над семейной (стр. 107). Но если обратиться к работам Н. А. Бутинова, в том числе к страницам, на которые непосредственно ссылается А. И. Першиц, сразу станет очевидным, что Н. А. Бутинов отвергает указанный тезис и повсюду пишет о преобладании экономики общинной⁸. Столь неточное изложение взглядов Н. А. Бутинова, по-видимому, объясняется тем, что сам А. И. Першиц склонен отождествлять род и родовую общину⁹. Однако, как справедливо отметил в ходе дискуссии М. В. Крюков, совпадение этих двух социальных институтов было возможно лишь на гипотетической стадии дислокального брака¹⁰. При господстве же унилокального

⁴ А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа его периодизации, «Сов. этнография», 1955, № 4, стр. 26.

⁵ А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, сб. «Проблемы истории первобытного общества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, (ТИЭ), т. LIV, М.—Л., 1960, стр. 163.

⁶ См., например: А. И. Першиц, Ранние формы семьи и брака в освещении советской этнографической науки, «Вопросы истории», 1967, № 2, стр. 161; А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев, История первобытного общества, М., 1969, стр. 100, 102, 139, 171.

⁷ См., например: Л. Б. Алаев, Община, «Советская историческая энциклопедия», т. 10, М., 1967, кол. 418—424.

⁸ Н. А. Бутинов, Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи, сб. «Проблемы истории и этнографии народов Австралии, Новой Гвинеи и Гавайских островов», ТИЭ, т. LXXX, М.—Л., 1962, стр. 180—181. Подробнее см.: его же, Папуасы Новой Гвинеи (Хозяйство, общественный строй), М., 1968.

⁹ См., например: А. И. Першиц, Развитие форм собственности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, стр. 156—157; А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев, Указ. раб., стр. 70—71.

¹⁰ М. В. Крюков, Указ. раб., стр. 88—89.

брачного поселения часть рода (в матриликальных обществах — мужчины, в патриликальных — женщины) в силу закона родовой экзогамии неизбежно уходила по браку в другую общину (или общины), а оттуда в данную родовую общину, в свою очередь, приходили представители другого рода (или нескольких родов).

Разумеется, не следует противопоставлять род родовой общине: ядро последней обычно состояло из сородичей, т. е. членов одного рода. Но столь же неправильно, на мой взгляд, при анализе структуры первобытного общества смешивать эти две формы социальной организации: всякий род делился по меньшей мере на две части, находящиеся в разных общинах, тогда как в любой родовой общине жили и работали представители нескольких (минимум двух) родов. Кстати говоря, в пользу такого понимания соотношения рода и родовой общины свидетельствует и формула, выведенная А. И. Першицем. Ведь даже согласно этой формуле родовая община на одну четверть состояла из чужеродцев (или чужеродок).

* * *

Итак, за исключением гипотетической стадии дислокального брака, род не совпадал с первобытным хозяйственным коллективом. Это подчеркивает, в частности, Ю. И. Семенов — наиболее последовательный сторонник концепции изначальности и универсальности дислокального брака и связанной с ней концепции совпадения кровнородственных (или, как он существенно уточняет, родовых) отношений с производственными¹¹.

Однако несовпадение рода с хозяйственным коллективом — частичное, а не абсолютное — отнюдь не дает, на мой взгляд, оснований для умаления значения рода в структуре первобытного общества. В эпоху расцвета общинно-родового строя род обладал не только надстроечными функциями, не только регулировал семейно-брачные отношения, т. е. в конечном счете воспроизводство самого человека как важнейшей производительной силы, но и влиял на процесс производства и распределения материальных благ. Ведь, как только что отмечалось, в хозяйственном коллективе той эпохи обычно имелось родовое ядро. Именно это ядро (а через него род в целом) выступало в роли коллективного собственника земли, тогда как люди, пришедшие в данный коллектив по браку, обычно сохраняли соответствующие права в той общине, ядро которой составляли их сородичи. Наконец, родовые нормы, в первую очередь экзогамия, будучи сами опосредствованным отражением глубинных процессов социально-экономического развития, в значительной мере определяли состав родовой общины.

Разумеется, функции рода не оставались неизменными на протяжении всей истории общинно-родового строя. Они стали сужаться, а значение рода — соответственно падать, когда этот строй начал клониться к упадку. «Нелепый религиозный элемент, — подчеркивал Маркс, — становился самым главным фактором для рода по мере того, как исчезали реальное сотрудничество и общая собственность; запах ладана — он-то оставался»¹².

В эпоху расцвета первобытного общества род был немыслим без родовой общины, родовая община — без рода. В этой связи некоторые советские этнографы говорят о диалектическом единстве этих двух социальных институтов. Как известно, диалектическое единство существенно отличается от метафизического: оно включает и момент различий, и момент противоречий. В ходе исторического развития, на стадии разложе-

¹¹ Ю. И. Семенов, О периодизации первобытной истории, «Сов. этнография», 1965, № 5, стр. 87.

¹² К. Маркс, Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество», «Архив Маркса и Энгельса», т. IX, М., 1941, стр. 139.

ния первобытного общества и становления классовых отношений, это диалектическое единство разрушается: род деформируется и постепенно отмирает (хотя нередко сохраняется «родовая» оболочка на новых социальных отношениях), а родовая община, пройдя ряд промежуточных форм, превращается в соседскую.

В недрах общинно-родового строя, на сравнительно раннем этапе его развития, возникает еще один социальный институт — семья, которая в дальнейшем становится важным элементом социальной организации. Первоначально слабая, непрочная, практически лишенная экономических функций, семья эволюционирует по мере развития общества, подчиняясь общим законам его развития, хотя биологический аспект семьи и обуславливает известную опосредствованность этой зависимости.

Не требуется специального анализа, чтобы понять, что парная семья в условиях унилокального брака входила в состав первобытного хозяйственного коллектива. На первых порах семья почти не выделялась из общины, но на более высокой ступени общественного развития, все более обособляясь, она стала превращаться в относительно самостоятельную ячейку внутри трансформирующей общины.

А состоял ли род из семей? Этот вопрос, несомненно, заслуживает внимания, ибо, как отмечали участники дискуссии, он до сих пор нередко толкуется по-разному в советской этнографической литературе¹³. Мне кажется, что ответ отчасти ясен из уже рассмотренного выше соотношения рода и родовой общины. Но в конечном счете решение этого вопроса зависит от понимания сущности рода.

* * *

Как хорошо известно из философской литературы, категория сущности отражает прежде всего внутреннюю определенность предмета или явления, его структуру, внутренние законы и связи, отличающие его от других предметов или явлений. Каков же тот оселок, та лакмусовая бумажка, с помощью которых род можно отличить от других социальных институтов первобытности? Заслуга решения этой проблемы принадлежит Л. Г. Моргану.

По Моргану, род — экзогамный коллектив кровных родственников, ведущих при однолинейном счете родства происхождение от общего предка и имеющих общее родовое имя. От других социальных институтов первобытного общества род отличает прежде всего обычай экзогамии. В соответствии с этим обычаем, исключавшим возможность браков внутри рода, муж и жена неизбежно принадлежали к разным родам. Отсюда, как подчеркивал Морган, вытекает, что первобытный род не мог состоять из семей¹⁴.

Концепция Морган о сущности рода была принята Марксом, как видно из его аналитического конспекта «Древнего общества»¹⁵, и разви-

¹³ М. В. Крюков, Указ. раб., стр. 85 (см. здесь некоторые примеры); Ю. И. Семенов, О некоторых теоретических проблемах истории первобытности, «Сов. этнография», 1968, № 4, стр. 80.

¹⁴ Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 38—39, 45, 132, 276—277, 306—310. По мнению М. О. Косвена, экзогамия и классическая патронимия, возникающая на стадии разложения первобытнообщинного строя, но он же отмечает, что «у некоторых народов, например у арабов, у отдельных народов Дагестана, патронимия была, наоборот, эндогамна» (М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 116). Если понимать под патронимией сегментированную семейную общину, ядро которой составляет мужская часть патрилинейной генеалогической группы, то «экзогамия» такого коллектива (когда она соблюдается) существенно отличается от родовой экзогамии. Справедливо указав на эти различия, Ю. И. Семенов предложил назвать данное явление экзогамией (см. Ю. И. Семенов, О некоторых теоретических проблемах истории первобытности, стр. 80—83). Как мне представляется, можно соответственно говорить и об экзогамии родовой общины.

¹⁵ К. Маркс, Указ. раб., стр. 30, 63—64, 134—135 и др.

та дальше Энгельсом в его классическом труде «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Особенно интересна в данной связи та глава книги Энгельса, которая посвящена характеристике ирокезского рода. Как известно, Энгельс считал род ирокезов классической формой первобытного («первоначального») рода¹⁶ и потому дал в этой главе подробный анализ родовой организации, на который неоднократно ссылался в последующих разделах своей книги.

«Никто из членов рода не может вступать в брак внутри рода,— читаем мы в этой главе.— Таково основное правило рода, та связь, которая его скрепляет, это — негативное выражение того весьма определенного кровного родства, в силу которого объединяемые им индивиды только и становятся родом. Открытием этого простого факта Морган впервые раскрыл сущность рода. Как мало до сих пор понимали эту сущность, показывают прежние сообщения о дикарях и варварах, где различные объединения, образующие составные элементы родового строя, без понимания и разбора смешиваются в одну кучу... Это и создало безнадёжную путаницу... С открытием рода, основанного на кровном родстве, и вытекающей из этого невозможности брака между его членами, эта бессмыслица рассеялась сама собой»¹⁷.

Только что процитированные высказывания Энгельса имеют большое принципиальное значение, так как в них недвусмысленно изложено понимание сущности рода как экзогамного коллектива кровных родственников. Очень важно и по-прежнему актуально предупреждение Энгельса о том, что недопустимо смешивать в одну кучу род и другие институты, образующие составные элементы родового строя.

Из даваемой Энгельсом характеристики ирокезского рода следует, что этот род никак не мог состоять из семей. Энгельс показывает, что такую структуру имела другая ячейка ирокезского общества — «коммунистическое домашнее хозяйство, в котором все женщины или большинство их принадлежат к одному и тому же роду, тогда как мужчины принадлежат к разным родам»¹⁸. Как и следовало ожидать, Энгельс проводит различие между этой общиной, состоявшей из парных семей, и родом¹⁹.

Энгельс возвращается к проблеме сущности рода и его соотношению с семьёй при рассмотрении родовой организации Греции и Рима, развивая и конкретизируя сформулированные выше положения. Энгельс, в частности, критикует историков античности за неправильный теоретический анализ этой проблематики. «Не только Грот, — пишет он, — но и Нибур, Моммзен и все другие историки классической древности до сих пор не справились с вопросом о роде. Как ни верно обрисовывали они многие его признаки, они всегда видели в нем *группу семей* и в силу этого не могли понять природу и происхождение рода»²⁰.

В то же время Энгельс вслед за Морганом сообщает, что в Греции жена переходила во фратрию, а в Риме — в род мужа²¹. Не противоречат ли эти факты изложенной выше концепции сущности рода? Нет, не противоречат. Ведь Энгельс не случайно подчеркивает, что историки античности, видевшие в роде группу семей, «не могли понять природу и происхождение рода»²².

¹⁶ Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 86-87, 120.

¹⁷ Там же, стр. 88 (разрядка моя.— Д. Т.).

¹⁸ Там же, стр. 53.

¹⁹ Там же, стр. 52—53, 98.

²⁰ Там же, стр. 102.

²¹ Там же, стр. 101, 121, 124.

²² Там же, стр. 102 (разрядка моя.— Д. Т.).

Род, как и всякое другое общественное явление, имеет свою историю; он прошел этапы возникновения, расцвета, упадка и гибели. Когда стремятся познать природу и происхождение рода, т. е. его генезис и сущность, обращаются к классическим примерам первобытного рода, а не к родам, находящимся на стадии разложения и гибели, так как на этой стадии исчезают многие важнейшие особенности родовой организации и появляются новые черты, противоречащие самой сущности рода и порожденные развитием частной собственности и моногамии. Если же приходится изучать под этим углом зрения разлагающиеся роды, первая задача исследователя заключается в том, чтобы провести четкое различие между нормами и обычаями, сохранившимися от более древней эпохи, и теми, которые появились в новых условиях и подрывают основы родовой организации. Именно так подходил Энгельс к изучению родовой организации Греции и Рима, о чем красноречиво свидетельствуют соответствующие главы его книги.

Та форма греческого и римского родов, которая рассмотрена Энгельсом в главах «Греческий род», «Возникновение Афинского государства» и «Род и государство в Риме», как известно, относится к последним ступеням разложения первобытнообщинного строя и к классовому обществу. Существенно дополнив и уточнив концепцию Моргана, Энгельс ввел, по его собственным словам, «экономические обоснования» в исследование тех глубоких перемен, которые произошли в данную эпоху. «Смена форм,—подчеркивал он в этой связи,—в основном изображена Морганом, анализ же порождающего ее экономического содержания мне приходится большей частью добавлять»²³.

Характеризуя в главе «Греческий род» высшую ступень варварства на примере «греческого строя героической эпохи», Энгельс выделяет следующие ее черты: «отцовское право с наследованием имущества детьми, что благоприятствовало накоплению богатств в семье и делало семью силой, противостоящей роду; обратное влияние имущественных различий на организацию управления посредством образования первых зародышей наследственной знати и царской власти; рабство сначала одних только военнопленных, но уже открывающее перспективу порабощения собственных соплеменников и даже членов своего рода; начавшееся уже вырождение древней войны племени против племени в систематический разбой на суше и на море в целях захвата скота, рабов и сокровищ, превращение этой войны в регулярный промысел; одним словом, восхваление и почитание богатства как высшего блага и злоупотребление древними родовыми порядками с целью оправдания насильственного грабежа богатств»²⁴. А в заключительной главе своей книги, возвращаясь к характеристике данной эпохи, Энгельс подробно показывает, как «органы родового строя постепенно отрываются от своих корней в народе, в роде, во фратрии, в племени, а весь родовой строй превращается в свою противоположность»²⁵. При этом Энгельс отмечает, что экономическую подоплеку разложения и гибели родовой организации вскрыл Маркс, указавший, что «*имущественные различия* в одном и том же роде вызвали вместо прежней общности интересов *антагонизм* между его членами»²⁶.

Из анализа, проведенного основоположниками марксизма, вытекает, что по той форме греческого и римского родов, которая существовала в рассматриваемую эпоху, очень трудно или даже невозможно судить о

²³ Ф. Энгельс, Указ. раб., стр. 27, 109. Рассматривая «общие экономические условия, которые подрывали родовую организацию общества уже на высшей ступени варварства», Энгельс подчеркивал: «Здесь «Капитал» Маркса будет нам столь же необходим, как и книга Моргана» (там же, стр. 156).

²⁴ Ф. Энгельс, Указ. раб., стр. 108.

²⁵ Там же, стр. 164.

²⁶ К. Маркс, Указ. раб., стр. 153—154.

происхождении и сущности рода²⁷. И действительно, характеризуя эти роды, Энгельс прослеживает «проникновение в родовой обычай новых, порожденных ростом богатства и моногамией правовых норм»²⁸, подчеркивает, что внедрением принципов частной собственности «была подорвана основа всего родового права»²⁹. Это были, как правило, деформированные роды, утратившие ряд важнейших функций и черт (даже экзогамия нарушалась, когда дело касалось браков с наследницами); они существенно отличались от классических родов первобытности. Римский *gens*, в частности, в рассматриваемую Энгельсом эпоху настолько переродился, что возникает далеко не праздный вопрос, можно ли его без серьезных оговорок называть родом.

Переход женщины из своего рода в род мужа принадлежит к числу норм, возникающих на стадии разложения общинно-родового строя, когда, как неоднократно подчеркивал Энгельс, в результате накопления богатств в семье и постепенного перехода к моногамии «семья сделалась силой, которая угрожающе противостояла роду»³⁰. Не случайно этого обычая не было, например, у австралийцев, папуасов и меланезийцев³¹, а из коренных жителей Америки его знали только некоторые племена, стоявшие на пороге классового общества³². И у римлян, как отмечал Маркс, этот обычай появился лишь в «позднейший период» существования их родовой организации³³.

То же самое можно сказать о сходном обычае (вернее, другой форме упомянутого выше обычая) — о включении мужа в род жены. Оно отмечено в некоторых матрилинейных обществах, также находившихся на стадии разложения общинно-родового строя и формирования классового общества³⁴.

Как видим, обычай приема в род по браку не имеет отношения к проблеме происхождения и сущности рода. Появление этого обычая, противоречащего родовым нормам, — свидетельство глубокого разложения рода, его деформации в новых исторических условиях, а в некоторых случаях и превращения рода в существенно иную форму социальной организации.

²⁷ Маркс отмечал, что историки античности по особенностям рода, «каким он являлся в позднейшем периоде варварства», пытались судить о роде вообще и потому допустили грубейшие ошибки в трактовке этого социального института (К. Маркс, Указ. раб., стр. 30).

²⁸ Ф. Энгельс, Указ. раб., стр. 121.

²⁹ Там же, стр. 100.

³⁰ Там же, стр. 162.

³¹ Единственное известное мне исключение — прием женщины в генеалогическую родовую группу мужа у моту, живущих в окрестностях города Порт-Морсби, административного центра колонии Папуа — Новая Гвинея (C. G. Seligman, *The Melanesians of British New Guinea*, Cambridge, 1910, p. 79). Следует, однако, учитывать, что уже в начале XX в. самобытный жизненный уклад этой папуасской группы был основательно разрушен. У моту распространилась работа по найму, сложилась соседская община. Родовые связи еще принимались во внимание при заключении браков, но родовая экзогамия часто нарушалась (там же, стр. 82).

³² См., например: Ю. П. Аверкиева, Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки, ТИЭ, т. LXX, М., 1961, стр. 174, 211.

³³ К. Маркс, Указ. раб., стр. 30.

³⁴ Ю. И. Семенов, О периодизации первобытной истории, стр. 92. Обычай приема в род по браку, существенно изменивший родовую структуру, по-видимому, можно считать развитием в новых социально-экономических условиях и в качественно иной форме обычая адаптации (усыновления или удочерения) родом отдельных «чужаков». Такая адаптация не покрывала закона родовой экзогамии, ибо приемщики полностью подпадали под действие этого закона и для них становились запретными брачные и вообще половые отношения со всеми без исключения членами данного рода.

Из выдвинутой Морганом, поддержанной Марксом и развитой далее Энгельсом концепции сущности рода следуют определенные выводы. В тех нечастых в советской этнографической литературе случаях, когда утверждается, что тот или иной первобытный род состоял из семей, в особенности когда такое утверждение основано не на анализе фактического материала, а на априорных представлениях (например, на смешении рода с родовой общиной), мы встречаемся, на мой взгляд, с отступлением от этой концепции, шагом назад ко временам Нибура и Моммзена. Характерно, что в аналитическом конспекте «Древнего общества» Маркс отмечает тесную связь трактовки рода как совокупности семей с патриархальной теорией первобытности³⁵.

Сложнее обстоит дело, когда такая трактовка прилагается к родственным коллективам эпохи разложения первобытного строя или «родовым» объединениям классового общества. Например, среди советских специалистов по народам Сибири, Средней Азии и Казахстана встречаются исследователи, придерживающиеся расширительного понимания термина «род», которое допускает указанную трактовку. Однако сами эти этнографы в большинстве случаев подчеркивают отнюдь не первобытную специфику изучаемых «родов». Как справедливо отмечалось недавно в одной из обобщающих статей, многочисленными исследованиями советских ученых установлено, что у целого ряда народов Средней Азии и Казахстана «в XIX — начале XX вв. так называемые «племена» и «родовые» группы под оболочкой рода скрывали глубокий классовый антагонизм и многообразные формы феодальной и полуфеодальной эксплуатации»³⁶. Что же касается народов Северной Сибири, находившихся в указанный период на различных стадиях разложения патриархально-родовых отношений, то Б. О. Долгих (сторонник тезиса «род состоит из семей») сопоставляет их древнейшие («первоначальные», по его терминологии) роды с «описанными Морганом и Энгельсом греческими фрагментами и римскими куриями»³⁷.

Но даже должный учет уровня социально-экономического развития изучаемых обществ сам по себе не всегда достаточен. В интересах терминологической определенности — неотъемлемого условия глубокого анализа сложных теоретических проблем — было бы во многих случаях полезно задуматься над тем, имеет ли исследователь дело с поздними, часто пережиточными формами рода или с другими социальными институтами. В этой связи несомненный интерес представляет отмеченное в ходе дискуссии М. В. Крюковым у древних китайцев, а С. И. Вайнштейном у тофаларов сосуществование поздних форм рода с патронимической организацией³⁸. Тенденция к более осторожному и научно обоснованному употреблению термина «род» проявилась и в некоторых других, недавно опубликованных работах. Так, необходимость строго от-

³⁵ К. Маркс, Указ. раб., стр. 30.

³⁶ Б. В. Андрианов, Л. Ф. Моногарова, Ленинское учение об общественно-экономических укладах и его значение для этнографии, «Сов. этнография», 1970, № 1, стр. 37—38. См. также А. Н. Бернштам, Проблема распада родовых отношений у кочевников Азии, «Сов. этнография», 1934, № 6; С. П. Толстов, Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах, «Изв. ГАИМК», вып. 103, М.—Л., 1934; Т. А. Жданко, Очерки исторической этнографии каракалпаков, ТИЭ т. IX, М.—Л., 1950; С. М. Абрамзон, Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии, сб. «Родовое общество», ТИЭ, т. XIV, М., 1951; Л. П. Потапов, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, «Вопросы истории», 1954, № 6; Н. А. Кисляков, Патриархально-феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX вв., ТИЭ, т. LXXIV, М., 1962.

³⁷ «Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII — начало XX в.», стр. 89.

³⁸ М. В. Крюков, Указ. раб., стр. 90—93; С. И. Вайнштейн, Родовая структура и патронимическая организация у тофаларов, «Сов. этнография», 1968, № 3.

личать род от других видов социальной организации указала З. П. Соколова, установившая, что «все перечисленные признаки рода у обских угров в действительности свидетельствуют не о роде, а совсем о других группировках (семья, поселок, фратрии, объединения типа махум)»³⁹.

Советские этнографы и другие специалисты по первобытности приходят к 150-летию со дня рождения Энгельса с немалыми достижениями, сосредоточив усилия на разработке еще не решенных проблем. Глубокий учет всех высказываний классиков марксизма-ленинизма о первобытном обществе и творческое развитие этого богатейшего теоретического наследия, привлечение нового фактического материала, в частности путем широкого применения комплексных методов исследования, терминологическая ясность и определенность — в неуклонном следовании этим традициям советской науки о первобытности залог ее дальнейших успехов.

ON THE PROBLEM OF THE NATURE OF THE GENS

The author stresses that exogamy forms an integral feature of the gens. Consequently the primitive gens could not consist of families. The author urges the importance of distinguishing between the gens and other institutions of primitive society. In this connection he brings under consideration the interrelation between the gens, the family and the community.

³⁹ «Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII — начало XX в.», стр. 134—135.